

Глава 21. Признание

Цзянь И все еще всхлипывал, иступленно растирая запястья, когда Да Нин молча подсел ближе. Он протянул свои руки и тихо сказал:

— Цзянь И, возьми мои. Не плачь.

Цзянь И ничего не ответил. Лишь покачал головой и мертвой хваткой вцепился в ладони друга.

Ли Хуэй, пребывавший в легком ступоре, быстро пришел в себя. Он оглядел палату: в этой больнице вечно кто-то смеялся или рыдал, так что на них, к счастью, никто не обратил внимания. Присел на корточки перед Цзянь И и, заглядывая ему в лицо, запинаясь, спросил:

— Цзянь И, я тут подумал... В общем, ответь на вопрос. Если я ошибся — не злись. Ты... ты ведь любишь доктора Ляна? Я имею в виду — по-настоящему любишь?

Цзянь И вытер слезы и посмотрел на него. Сначала он кивнул, потом тут же мотнул головой. Помедлив мгновение, снова решительно кивнул.

— Погоди, погоди, — Ли Хуэй перехватил его руки. — Хватит кивать, у меня сейчас голова закружится. Дай я это переварю. Черт возьми, ну и дела... Это ж просто сюжет для кино. Послушай, почему ты раньше молчал? Если бы я хоть каплю подозревал, я бы никогда, слышишь, никогда не стал помогать этому Ван Шуню! Проклятье, какой теперь толк воздух сотрясать... Те двое там, снаружи, небось уже вовсю любезничают. Жди здесь, я сейчас его пригашу.

Ли Хуэй уже собрался вскочить и рвануть к выходу, но Цзянь И удержал его.

— Не надо... не ходи, — он плакал так сильно, что слова давались с трудом. — Нельзя... скандалить. Вернись, пусть никто... не знает.

— Да не дрейфь ты, — вздохнул Ли Хуэй. — Хоть это и выходит за рамки моего понимания, я как-нибудь справлюсь. Ты мой друг. Даже если ты влюбишься в собаку, я и это приму. Тьфу, бред какой-то сморозил... Если в собаку — это я загнул, пожалуй. Я к тому, что... ну, ты понял.

Цзянь И кивнул. Глуповатые рассуждения Ли Хуэя про людей и собак в конечном счете окончательно его запутали, но на душе стало капельку теплее. Да Нин, не умевший утешать словами, просто продолжал методично стирать слезы с его щек. Было до странного приятно чувствовать, что за тебя стоят горой.

Вспомнив наставление доктора Чэня о том, что нужно учиться владеть собой, Цзянь И кое-как вытер лицо рукавом и, с трудом сглатывая рыдания, проговорил:

— Спасибо. Мне уже лучше. Я хочу немного поспать, идите поиграйте.

Договорив, он отвернулся, уткнулся лицом в подушку и накрылся одеялом с головой.

Ли Хуэй заботливо подоткнул ему одеяло. Когда Цзянь И затих под своим коконом, подозвал Да Нина и прошептал ему на ухо:

— Да Нин, посиди на своей кровати, присмотри за ним. Я мигом.

Тот послушно кивнул и уселся рядом, не сводя пристального взгляда с неподвижного свертка на кровати Цзянь И.

Ли Хуэй тяжело вздохнул. Сейчас было не время для долгих раздумий. Неважно, как всё закрутилось раньше, — если его брат сказал, что этот человек ему дорог, он был готов хоть на разбой пойти, лишь бы притащить доктора к нему. Ему было всего семнадцать, но пацанский кодекс чести внутри него требовал немедленных действий. Выходя из палаты, он зажмурился и вознес безмолвную молитву: «Боженька, Будда, святые угодники, посмотрите на меня еще разок! Вчерашнее про великий пир — забудьте, не надо мне никакой еды. Сделайте только так, чтобы те двое там, снаружи, не спелись. Аминь».

Добравшись до комнаты отдыха, Ли Хуэй увидел, что Лян Чэнь и та женщина уже не были одни — к ним присоединились Ван Шунь со своей сестрой. Брат с сестрой сидели, а Лян Чэнь и гостя стояли рядом. Доктор непринужденно оперлся руками на стол, чуть наклонившись, а женщина стояла совсем близко. Со стороны это выглядело как идиллическая семейная сцена на пикнике. У него аж зубы закрипели от злости. Но кого винить? Он ведь сам рассчитывал на свою долю в этом деле... «Эх, Цзянь И, ну и размазня же ты», — подумал парень и решительно зашагал к ним.

— Доктор Лян, — позвал Ли Хуэй, подойдя вплотную.

— А? — Лян Чэнь выпрямился и посмотрел на него. Остальные трое тоже обернулись. Ван Шунь украдкой подмигнул приятелю.

«Моргай себе в задницу, — зло подумал Ли Хуэй. — Я ослеп».

— Что такое? Случилось что-то? — Лян Чэнь убрал руки в карманы.

— Случилось. Там Цзянь И... он... — Ли Хуэй запнулся, подбирая слова.

— Что с ним? — Лян Чэнь мгновенно напрягся и выглянул в коридор, пытаясь разглядеть палаты.

— Ему плохо, очень. Сходите посмотрите, — Ли Хуэй бесцеремонно схватил его за локоть. — Идемте скорее! Когда Цзянь И плохо — это вопрос жизни и смерти. Оставьте разговоры, пойдете!

— Лян Чэнь, иди конечно, мы и так тебя задержали, — сказала женщина, внимательно взглянув на Ли Хуэя.

Тот под ее взглядом почувствовал себя воришкой и поспешно отвел глаза.

Лян Чэнь, не тратя времени на прощание, сорвался с места и побежал к палатам. Ли Хуэй едва поспевал за ним. Видя искреннюю тревогу доктора, почувствовал, как на сердце отлегло. Ему очень хотелось верить, что это не просто безответная любовь со стороны Цзянь И. Он даже не выдержал и невольно расплылся в улыбке. Как назло, Лян Чэнь, затормозив у дверей шестой палаты, внезапно обернулся и застучал его с этой сияющей физиономией.

— Так, а теперь... — начал Лян Чэнь и осекся. Он вскинул брови, сунул руки в карманы и, прислонившись к стене, стал молча изучать парня.

— Доктор Лян, ну что вы стоите... заходите скорее, — пробормотал Ли Хуэй, указывая на дверь. — Там же... ну, это... жизнь и смерть!

— Актер из тебя отличный, парень, — усмехнулся Лян Чэнь. — Ладно, раз уж попался, не ломай комедию. Говори, зачем ты меня сюда выманил?

— Эх, черт... — Ли Хуэй почесал затылок, понимая, что до цели остался всего шаг. — Вообще-то, я не совсем наврал. Ему правда плохо, просто он просил не говорить.

— Что значит «плохо»? — Лян Чэнь тут же посерьезнел. — Рассказывай, что стряслось.

Ли Хуэю ничего не оставалось, кроме как выложить всё: и про то, что творилось последние дни, и про сегодняшний срыв. Закончив, он умоляюще добавил:

— Я хотел, чтобы вы просто к нему заглянули, не выдавая меня. Он запретил мне рот открывать. Доктор Лян, выручайте, сделайте вид, будто сами зашли, а?

Лян Чэнь тепло улыбнулся и взъерошил ему волосы.

— Договорились, малявка.

Войдя в палату, Лян Чэнь увидел Цзянь И: тот лежал, свернувшись калачиком и накрывшись легким одеялом с головой, словно пытаясь спрятаться от всего мира. Да Нин при его появлении вскочил, но доктор приложил палец к губам, призывая к тишине, и на цыпочках

подошел к кровати.

Цзянь И не шевелился. Лян Чэнь, мягко улыбаясь, наклонился и осторожно откинул край одеяла.

Тот крепко спал. Личико было бледным, но кончик носа и веки припухли и покраснели — сразу видно, как долго и горько он плакал. Ресницы всё еще были влажными, губы чуть приоткрыты и пересохли. Сейчас, когда Цзянь И не злился и не бросался на него с упреками, он казался таким беззащитным и трогательным, что у Лян Чэня дрогнуло сердце. Ему едва хватило сил удержаться, чтобы не поцеловать его прямо сейчас.

Рассказ Ли Хуэя подействовал на него как очищающий ливень — тучи, сгущавшиеся в последние дни, наконец рассеялись. Чтобы не провоцировать Цзянь И, ему приходилось прятаться, довольствуясь лишь кадрами с мониторов наблюдения. Это ожидание было пыткой. Лян Чэнь боялся, что Цзянь И привыкнет к его отсутствию и окончательно закроется. К счастью, долго ждать не пришлось. Неважно, сделал ли Цзянь И лишь робкий шаг навстречу или готов был броситься в объятия, — для него это была величайшая победа.

Он не удержался и легонько щелкнул Цзянь И по носу.

Тот во сне наморщился, потер нос и затих. Лян Чэнь заметил, как сильно растерто его левое запястье, и присмотрелся. Рисунок часов всё еще был там. «Стереть, значит, хотел?» — усмехнулся про себя доктор и снова щелкнул его по носу.

Цзянь И раздраженно отмахнулся и, нахмурившись, открыл глаза.

В первую секунду он не понял, где сон, а где явь. Человек, который стоял перед ним, чуть склонившись и улыбаясь, был тем самым, кто только что весело болтал с другой женщиной. «Точно сплю, — решил Цзянь И. — Накрутил себя, вот и снится всякое». Он моргнул, надеясь сменить картинку, но образ перед глазами замер как влитой. Тогда протянул руку и дотронулся до щеки... Ого, на ощупь совсем как настоящий. Испуганно отдернул её. Неужели такие реалистичные сны бывают? Он снова осторожно потрогал «галлюцинацию». Теплая.

— Цзянь Сяои, помогать врачу на глазах у всех — это, по-твоему, нормально? — со смешком спросил Лян Чэнь.

Цзянь И оторопел: голос! Он звучал точь-в-точь как настоящий, с той самой неповторимой интонацией.

— Какой красивый голос... — пробормотал он, глупо улыбаясь. — Скажи еще что-нибудь.

Лян Чэнь склонился к самому его уху и прошептал:

— И что же ты хочешь услышать?

— Я хочу... — Цзянь И не договорил. До него наконец дошло: этот человек не только теплый и осязаемый, он еще и дышит! Сердце пропустило удар, и он пулей подскочил на кровати.

— Ой, блин!

— Ой-ой!

От этого рывка они с размаху столкнулись лбами. У Лян Чэня на мгновение в глазах потемнело, а в голове загудело. Он выпрямился, потирая лоб.

— Цзянь И! Клянусь... я когда-нибудь из-за тебя инвалидом стану!

Цзянь И сидел, вцепившись в голову и вытаращив глаза. Ему и самому досталось неслабо: в ушах стоял противный звон.

— Ты как? Уши совсем багровые, — Лян Чэнь убрал его руки и внимательно осмотрел голову.

— Ты... как ты здесь оказался? Я думал, это сон, — Цзянь И невольно втянул голову в плечи.

— Ага, значит, когда ты меня за лицо трогал, ты думал, что спишь? Цзянь Сяои, ну ты даешь. В жизни — ледяной принц, а во сне — руки распускаешь. Не стыдно тебе? — Лян Чэнь шутливо ущипнул его за нос.

— Да я просто... я... — Цзянь И почувствовал, как лицо заливают жар, и поспешно сменил тему:
— Почему ты пришел?

— Что значит «почему»? У меня сегодня дежурство. Обход палат — дело обычное, — Лян Чэнь многозначительно взглянул на Ли Хуэя.

Ли Хуэй, всё это время наблюдавший за сценой, понял, что лишний здесь. Ему до смерти хотелось забиться в какой-нибудь темный угол и переварить события этого безумного часа. Он картинно кашлянул и небрежно бросил:

— Так, погода шепчет, пойду-ка я досмотрю свой сон красоты. Продолжайте, господа, продолжайте.

С этими словами он утащил за собой Да Нина.

— Ну что, Цзянь Сяои, тебе есть что мне сказать? — внезапно спросил Лян Чэнь, снова

наклоняясь к нему.

— А? — Цзянь И в испуге отпрянул. — Что... что сказать?

— Совсем нечего? Ну, ладно, — Лян Чэнь выпрямился. — Спи дальше, а я пойду обратно, поболтаю еще с кем-нибудь.

Он развернулся, делая вид, что уходит.

— Нет! Стой... Есть, есть что сказать! — Цзянь И в панике схватил его за руку.

— Есть? Какой месяц? — подмигнул Лян Чэнь.

Цзянь И замер, не зная, что ответить.

— Ладно, не бойся, — рассмеялся доктор. — Обувайся и пойдем со мной.

Лян Чэнь привел его в кабинет психологической помощи №6. Когда дверь за ними закрылась, Цзянь И невольно вздрогнул.

Лян Чэнь, чья рука всё еще лежала на плече юноши, почувствовал эту дрожь и тихо засмеялся:

— Ну ты даешь, Цзянь Сяои. Куда же вся твоя смелость делась? — Он усадил его на стул. — Я же не кусаюсь. А ведь еще недавно ты так смело меня за лицо трогал...

— Доктор Лян, пожалуйста, хватит, — Цзянь И опустил голову. — Я... я сейчас от страха умру.

— Да чего ты боишься? — Лян Чэнь протянул ему стакан воды. — Мы же здесь не в первый раз сидим.

— В этот раз всё по-другому, — прошептал Цзянь И. — Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Цзянь И, посмотри на меня, — Лян Чэнь оперся локтями о стол и подался вперед. — Глядя мне в глаза, скажи.

Цзянь И поднял взгляд. В глазах Лян Чэня больше не было того болезненного терпения, подавленного гнева или отстраненности, к которым он привык. Теперь они светились мягким, спокойным теплом. Он почувствовал, как напряжение внутри него медленно тает.

— Я ведь... сильно тебя обидел тогда? — Цзянь И смотрел прямо на него. — Поэтому ты меня

избегал.

— Обидно было — это мягко сказано, — усмехнулся Лян Чэнь. — Но что мне оставалось? Ты видеть меня не мог. Не мог же я навязываться и липнуть к тебе. Если бы я продолжал за тобой бегать, всё отделение решило бы, что я какой-то маньяк или извращенец.

— А сейчас... что ты сейчас думаешь? — Цзянь И шмыгнул носом. — Я видел, как весело тебе было с той женщиной. Ты всем нравишься.

Лян Чэнь опустил голову и тихо рассмеялся. Этот смех заставил Цзянь И разнервничаться еще сильнее. Он схватил доктора за руку и затряс:

— Что ты смеешься? Ну скажи что-нибудь!

— Слушай, Цзянь Сяои, — Лян Чэнь перехватил его ладонь. — Ты что, ревнуешь? И, кажется, только что из-за этого выплакал целое море слез, а?

— Я не ревную! — Цзянь И поспешно выдернул руку. — Просто... мне было обидно, и как-то паршиво, и... бесило всё.

— Ну, это одно и то же, — Лян Чэнь серьезно посмотрел на него. — Ладно, хватит шуток. Цзянь Сяои, скажи мне честно: что у тебя на уме? Ты ведь не собираешься, как только мы выйдем за эту дверь, снова на меня волком смотреть?

— Не буду, клянусь, — Цзянь И неистово затряс головой. — Доктор Лян, ты же понимаешь... мне просто страшно. Я боюсь, что когда ты увидишь вокруг себя целые поля прекрасных цветов, ты больше не захочешь смотреть на меня — на этот жалкий хилый росток. Боюсь, что если ты уйдешь надолго, то больше не вернешься. Доктор Лян, пусть ты мне не веришь, но я... я правда, правда тебя полюбил. Я не помню, что было раньше, но обещаю, что сделаю всё, чтобы запомнить каждое мгновение с этого дня. Я больше не буду тебя отталкивать и не буду злить специально. Поэтому... поэтому... если ты согласен...

— Цзянь И, — внезапно перебил его Лян Чэнь.

Тот замер, глядя на него широко открытыми глазами. Сердце упало в пятки: он испугался, что Лян Чэнь, как и доктор Чэнь, сейчас оборвет его и скажет «нет» или «сейчас не время». Цзянь И был готов на всё: бороться со своими демонами, учиться сдерживать эмоции, меняться... Он никогда раньше не любил и не знал, каково это, но это жгучее чувство внутри, выворачивающее душу наизнанку, он не променял бы ни на что на свете. Не хотел больше видеть Лян Чэня рядом с кем-то другим. Стиснул зубы так сильно, что казалось, если их разожмет — сердце выскочит из груди.

— Цзянь И, — повторил Лян Чэнь после короткой паузы. — Позволь мне закончить.

Цзянь И замер, превратившись в изваяние. Он не шевелился, не дышал, ловя каждое движение губ доктора.

Лян Чэнь нежно улыбнулся и тихо произнес:

— Если ты согласен... давай будем вместе.

— Я согласен! — выпалил Цзянь И прежде, чем Лян Чэнь успел закончить фразу. Свершилось! Лян Чэнь не только не отказал — сам предложил! Внутри у Цзянь И словно взорвался миллион праздничных фейерверков. В голове стало абсолютно пусто, но он успел выкрикнуть ответ, боясь, что если замешкается хоть на секунду, доктор заберет свои слова обратно. А когда слова были сказаны, юноша понял, что снова плачет. Но на этот раз на душе было легко и спокойно. Он плакал и смеялся одновременно, вспоминая признание Ляна. Наверняка выглядел сейчас как полный идиот, но ему было плевать, даже если Лян Чэнь решит, что он окончательно спятил. Впрочем, он и так пациент, ему можно! Товар принят, подпись поставлена! Возврату и обмену не подлежит!

***

— Каково это, когда тебе признается в любви тот, кто тебе дорог?

— В этот миг я готов простить жизни всё то горе, которым она меня травила раньше.

<http://bllate.org/book/17455/1659685>